

Научная статья

УДК 821.161.1 + 070

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-437-452

**«Накрахмаленный Базаров»:
к вопросу о журнальной репутации Д. И. Писарева**

Татьяна Ивановна Печерская

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Аннотация

Рассматриваются особенности журнального поведения Писарева, его общественно-литературная репутация. Цель исследования состоит в выявлении динамической картины и форм реализации журнальной репутации Писарева. Соотношение «биографического» и «журнального» Писарева проблематизировано через противоречия образа жизни, личности критика и его «виртуального» alter ego – Базарова. Базаров выступает эталонной фигурой, на которую ориентируется Писарев, вырабатывая формы публичного журнального воплощения. Процесс оформления нового образа – *нигилист* с последующей сменой «имени» на *реалиста* рассмотрен на биографическом и журнальном материале периода 1862–1866 гг., времени заключения в Петропавловской крепости. Успех «имени» Писарева – *нигилист* – связывается с закрепленностью литературного образца в сознании читателя, неудачная попытка смены имени как смены общественного пароля – *реалист* – объясняется умозрительностью созданной идеологической схемы, не нашедшей воплощения.

Ключевые слова

Д. И. Писарев, литературная критика, журнальная репутация, нигилист, новый человек, реалист, «Русское слово», «Современник»

Для цитирования

Печерская Т. И. «Накрахмаленный Базаров»: к вопросу о журнальной репутации Д. И. Писарева // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 437–452. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-437-452

© Печерская Т. И., 2023

“Starched Bazarov”: To the Question of the D. I. Pisarev’s Journal Reputation

Tatyana I. Pecherskaya

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Abstract

The article deals with the features of journalistic behavior and social and literary reputation by Pisarev. The focus is on the correlation of Pisarev’s “biographical”, his public literary life and the “literary life” of the 1860s. Purpose: The study of the dynamic picture of the formation of Pisarev’s journal reputation and forms of its implementation in the public space. The correlation of the “biographical” and “journalistic” Pisarev is problematized through the contradictions of the critic’s lifestyle, personality (“a young man from a good noble family”) and the perception of his “virtual” image (the reincarnation of Bazarov and Mark Volokhov). Bazarov is a reference figure, which Pisarev focuses on, developing forms of public magazine incarnation. The process of creating a new image (realist) is considered on the biographical and journal material of the period of 1862–1866, the time of imprisonment in the Peter and Paul Fortress. The influence of Chernyshevsky’s novel “What to do?” is considered to replace the “name”, which is formed as a contamination of a nihilist and a new person. The success of Pisarev’s “name” as a nihilist is associated with the fixation of the literary sample in the reader’s mind. The unsuccessful attempt to change the name as a change of the public password – the realist – is explained by the speculative nature of the created ideological scheme, which has not found literary and social embodiment. The word *realist* was fixed as a concept, but as a name it was not converted into a model of behavior.

Keywords

D. I. Pisarev, literary criticism, journal reputation, nihilist, new man, realist, “Russian Word”, “Contemporary”

For citation

Pecherskaya T. I. “Starched Bazarov”: To the Question of the D. I. Pisarev’s Journal Reputation. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 437–452. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-437-452

Статья посвящена исследованию журнальной репутации ведущего критика «Русского слова», Д. И. Писарева, не только воплотившего нигилизм как комплекс общественно-этических взглядов, но и создавшего из самого

себя эталонную фигуру нигилиста. Писарев представляет исключительный интерес в силу специфики своего журнального поведения и огромного воздействия, выходящего за рамки известных нам проявлений. Проследим динамику формирования репутации, особенности ее восприятия литературным и читательским сообществом, а также рассмотрим соотношение реального («биографического») и журнального облика критика.

Выделим некоторые формы литературно-публицистического и общественного проявления нигилизма, сделавшие Писарева наиболее яркой и во многих отношениях особой фигурой в когорте шестидесятников.

Парадокс состоит в том, что по своему внешнему облику, поведению, привычкам и занятиям «биографический» Писарев не только не соответствовал «литературно-журнальному» Писареву-критику – ниспровергателю искусства, морали и прочее, но резко отличался от него. Писарев-критик в представлении читателей-современников – своего рода идеальная реализация нигилизма, «реинкарнация» Базарова или Марка Волохова – «лохматый нигилист с бурсацкой неуклюжестью, с заносчивыми бесцеремонно-грубыми и дерзкими сарказмами», как пишет о читательском восприятии А. М. Скабичевский [1891, с. 95]. *Enfants terribles* журнального круга, по распространенной характеристике М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Биографический» Писарев совсем иной: «...джентльмен с головы до ног, с изящными манерами, безукоризненно и щеголевато одетый, владеющий в совершенстве иностранными языками. В любой великосветской гостиной его приняли бы за человека во всех отношениях *comme il faut*. Утонченно-вежливый по воспитанию, он и по натуре обладал мягким, кротким характером...» [Там же]. Противоречие кроется не в дворянском происхождении, рафинированном воспитании и «светской выправке», о чем упоминают мемуаристы. Как известно, переходя в разночинно-демократический круг жизни и общения, молодые люди из дворянского сословия радикально и даже нарочито меняли манеру поведения, образ жизни.

Привычки и манеры Писарева не менялись ни в студенческую пору, ни в первый год работы в «Русском слове», – в то время, когда он переместился в разночинно-бурсацкую среду журнала. А. Волынский приводит характерный штрих поведения:

Даже во времена своего студенчества, в демократической обстановке товарищеского общежития, он не изменял ни в чем своим корректным привычкам благовоспитанного и склонного к внешнему изяществу юноши. К утреннему чаю он выходил последним. В то время, как товарищи бесце-

ремонно сходились у самовара, без всякого помышления о своих костюмах, Писарев, равнодушно внимая их призывам и понуканиям, сидел перед зеркалом, приводя в изысканнейший порядок свои изжелта-белокурые волосы, подчищая и подпиливая слегка отпущенные ногти. – Дмитрий Иванович, чай остыл! – кричал кто-нибудь из товарищей. А Дмитрий Иванович тщательно снимал последние пылинки со своего модного, из толстого сукна, пиджака. В общую комнату он выходил не иначе, как в самом законченном и безукоризненном туалете [Волынский, 1895, с. 265].

Своего рода светскость сохраняется и в переписке из Петропавловской крепости, когда дело касалось высокопоставленных лиц, от которых зависели условия содержания и работы в тюрьме¹.

После первого года работы в «Русском вестнике» в июле 1862 г. Писарев оказывается в Петропавловской крепости, где проводит четыре с половиной года в одиночной камере².

Биографы единодушны в том, что период заключения в крепости оказался самым плодотворным в литературном отношении, так же оценивал

¹ Так, характерная манера Писарева проявляется в «светско-цензурном» сюжете по поводу затруднений с разрешением к печати статьи «Реалисты» (первоначально вышла под заглавием «Нерешенный вопрос. Статья первая»). Направляя письма в соответствующие инстанции, Писарев, как герой Достоевского, демонстрирует владение разными «сортами слога», – все они написаны в разной стилистике, включая письма, составленные им от имени матери. Например, его письмо в обход коменданта Петропавловской крепости А. Ф. Сорокина адресовано петербургскому генерал-губернатору князю А. А. Суворову (в его обязанности входило представление различных частей статьи на рассмотрение Правительствующего сената). Письмо написано на французском языке в манере, вряд ли соответствующей положению заключенного. Он просит защитить его «от грубого произвола трусливых, тупых и невежественных цензоров», показательно само обращение: «Согласитесь, Князь...», «Но Князь, <...> когда человек согрешил, надо ли лишать его всех средств исправить ошибки» [Писарев, 2000–2013, т. 6, с. 522]. Он хочет передать письмо А. А. Суворову через мадам Эттингер, его знакомую (оно, разумеется, тоже на французском). Здесь тактика другая: он предлагает Эттингер выступить защитницей прогрессивной литературы. «О Мадам, – пишет он, – <...> сделайте все, что в Ваших силах» [Там же, с. 523].

² Попутно заметим своего рода исключительно своеобразное редакционное положение, сложившееся в «Русском слове»: трое ведущих сотрудников (Д. Писарев, Н. Шелгунов, Щапов) писали статьи для журнала, находясь в заключении. См. подробнее о судьбе сотрудников редакции «Русского слова» в разные годы существования журнала [Кузнецов, 1990, с. 193–207].

его и сам критик. В центре нашего внимания будет в первую очередь этот отрезок времени, поскольку именно тогда оформился стиливой и риторический абрис литературно-журнального Писарева – главного нигилиста. (Точнее обозначить период в три года: продолжать журнальную деятельность Писареву было разрешено только в июле 1863 г., после завершения дела Баллода, с которым прямо связано и его дело, хотя Писарев начал сразу готовить статьи для журнала.)

Для читателей Писарев как критик, да и как человек, все эти годы заключения существовал лишь «виртуально», или, если так можно выразиться, в «бумажном» виде, чему способствовало то обстоятельство, что его реальный облик в глазах читателей в журнальной среде был вынесен за скобки и по умолчанию отождествлялся с журнальным. Изолированность как нельзя лучше способствовала «чистоте эксперимента»: литературный образ Писарева-нигилиста воспринимался как изоморфный биографической личности критика.

Свидетельства о расхождении ожидаемого и реального облика Писарева связаны с временем выхода из Петропавловской крепости, когда он стал по-настоящему знаменит. Удивление становится общим местом мемуаров, писем. Сошлось на тургеневские впечатления о знакомстве с Писаревым, относящиеся к 1867 г., времени, когда слово «нигилист» стало почти его личным именованием. В письме М. В. Авдееву Тургенев иронично пишет: «Писарев, великий Писарев, бывший критик “Русского слова” зашел ко мне <...> а главное – il a l'air d'un enfant de bonne maison³, как говорится, ручки имеет прекрасные, и ногти – следующей длины (следует утрированный рисунок ногтя. – *Т. П.*) – что для нигилиста несколько странно» [Тургенев, 1990. Письма, т. 7, с. 168].

В воспоминаниях о Тургеневе Н. А. Островская, жена брата драматурга, передала близкие впечатления о разговоре с Тургеневым насчет Писарева: «Когда Писарев пришел навестить меня, он меня удивил своею внешностью. Он произвел на меня впечатление юноши из чисто дворянской семьи: нежного, холеного, – руки прекрасные, белые, пальчики тонкие, длинные, манеры деликатные» [Островская, 1983, с. 76]. Боткин, у которого остановился Тургенев, был возмущен тем, что он собирается принять «нигилиста». Едва начался разговор, Боткин стал нападать на Писарева: «“Да вы, говорит, мальчишки, молокососы, неучи!.. Да как вы смеете?” <...> Писарев отвечал учтиво, сдержанно». В результате, замеча-

³ он выглядит как мальчик из хорошей семьи

ет Тургенев, «поклонник всего прекрасного, изящного и утонченного оказался совершенно грубым задирой, а предполагаемый “нигилист“, “циник“ и т. п. – чистым джентльменом» [Островская, 1983, с. 76].

Различные впечатления такого рода свидетельствуют, что облик «биографического» Писарева-нигилиста (ожидаемый) произведен именно от журнального. В создании «виртуального» облика Писарева-нигилиста, в его литературной самоидентификации большую и даже, на наш взгляд, решающую роль сыграл Базаров. Статья «Базаров» (Русское слово. 1862. № 3) стала одним из первых откликов на публикацию романа, как и статья А. М. Антоновича «Асмодей нашего времени» (Современник. 1862. № 3), на которую Писарев ответил уже из Петропавловской крепости. Промежуточно и позже оба обменялись еще целым рядом резких полемических выпадов по поводу и романа, и друг друга. Статья «Реалисты» (1864) спровоцировала повторную волну теперь уже «судейского» интереса: критики, публицисты, литераторы решали, кто из двоих прав в оценке романа. Это была уже критика по поводу критики критиков. Если в первой статье – «Базаров» – герой еще рассматривается как новый литературный тип, в «Реалистах», своей программной статье, Писарев интерпретирует героя фактически как alter ego, провозглашает своего рода «исповедание веры». Последнее было замечено уже современниками. А. И. Герцен в статье 1869 г. «Еще раз Базаров. Письмо первое» отмечает: «Верно ли понял Писарев тургеневского Базарова, до этого мне дела нет. Важно то, что он в Базарове узнал себя и своих и добавил чего недоставало в книге. <...> Базаров <...> для Писарева – больше чем свой. <...> Базаров знает сердце своего Базарова догла. Он исповедуется за него» [Герцен, 1960, с. 335–336].

Можно сказать, что социопсихологический тип Базарова создан и разработан Писаревым «под себя». А. И. Эртель писал: «Нигилист Базаров есть по преимуществу порождение “Русского слова”» [Эртель, 1967, с. 597]. (Заметим: как и Катерина Островского – порождение Добролюбова, т. е. «Современника».) Присвоение имени, как известно, имеет первостепенное значение. Н. Страхов очень точно выразил важность имени: «Тургенев открыл и создал самое трудное; он угадал имя этого человека, он назвал его нигилистом» [Страхов, 1890, с. 202]⁴. «Имя» «нигилист» благодаря Базарову и стало журнальным именем самого Писарева.

⁴ Ср. его замечание в той же статье: «...нигилизм, по нашему мнению, едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты» [Страхов, 1890, с. 201].

Заключение в крепости не мешало Писареву как условной фигуре – нигилист-разночинец – активно участвовать в общественно-журнальной жизни. Рассмотрим показательный эпизод. В разделе «Современника» «Наша общественная жизнь» за январь 1864 г. Салтыков-Щедрин описывает обед у мецената (графа А. Г. Кушелева-Безбородко), где саркастически высмеивается разночинская братия «Русского слова» во главе с редактором Благодетелем. Акцентируется отсутствие манер, разночинская невоспитанность и бесцеремонность, с которой сотрудники журнала накидываются на экзотические для них угощения:

Я видел, как мрачный философ (*philosopho di forza*) Ризположенский пожирал фазана на тарелке *viex saxe*; я видел, как легкий философ (*philosopho di gratia*) Семечкин выпил разом три рюмки водки из богемского хрустала и жадно искал ополоумевшими глазами колбасы, но не находил ничего, кроме страсбургского пастета и разных подстрекающих аппетит сыров; я видел, как «Шекснинска стерлядь золотая» сделалась жертвою плотоядности критика Кроличкова; я видел, как страдал мажордом мецената, стоя за стулом публициста Бенескриптова и чуть-чуть не вслух восклицал: «*embourbé! embourbé!*»⁵ – я видел все это и страдал не менее самого мажордома. Я думал: «Как очутился ты здесь, бедный, трудящийся люд? что общего между тобой и этим гнилым расслабленным меценатом, у которого даже головы совсем нет, а есть вместо нее какое-то прозрачное на свет яйцо? Зачем притащился ты сюда с холодного твоего чердака, где, по крайней мере, честно зарабатывал свой незавидный кусок хлеба? *embourbé! embourbé!*» [Салтыков-Щедрин, 1970, с. 234–233]⁶

Как видим, в компании с остальными упомянут и Писарев-Бенескриптов. Неважно, что он в это время уже два года находился в заключении, в сатире Щедрина все члены редакции фигурируют, так сказать, в идеологическом разночинском облике нищенствующей богемы, продавшей меценату. У реального Писарева, если и были раньше какие-то дела с Кушелевым, то, вероятно, лишь карточные⁷.

⁵ увяз! увяз!

⁶ Гости мецената узнаваемы для «своих» читателей: «мрачный философ Ризположенский» – Г. Е. Благодетель, «легкий философ Семечкин» – Н. В. Соколов, «критик Кроличков» – В. А. Зайцев, «публицист Бенескриптов» – Д. И. Писарев.

⁷ В показаниях следственной комиссии он указывает на собрания у Кушелева-Безбородко как место общения с разными литераторами. Писарев был страстным игроком, проигрывал большие суммы. Кроме прочих, фамилия Благодетель фигурирует в списке карточных долгов, в числе бумаг, изъятых при аресте,

В другом выпаде против сотрудников «Русского слова», «вислоухих», можно усмотреть намек на реальный случай, связанный с Писаревым. В том же разделе Щедрин так описывает манеры разночинской братии):

«Я демократ», – говорит вам вислоухий и доказывает это тем, что ходит в поддевке и сморкается без помощи платка. «Я нигилист и не имею никаких предрассудков», – говорит вам другой вислоухий и доказывает это тем, что во всякое время дня готов выбежать голый на улицу. И напрасно вы будете уверять его, что в первом случае он совсем не демократ, а только нечистоплотный человек, и что во втором случае он тоже не более как бойкий человек, без надобности подвергающий себя заключению в частном доме, – не поверит он ни за что и вас же обругает аристократом и отсталым человеком [Салтыков-Щедрин, 1970, с. 325].

Можно предположить, что фраза насчет человека, готового голым выбежать на улицу, содержит намек на случай с Писаревым, о котором он мог слышать. О пребывании Писарева в частной психиатрической лечебнице Штейна⁸ знал широкий круг людей. В воспоминаниях А. М. Скабичевского есть похожий эпизод (попытка публично раздеться), относящийся ко времени обострения болезни, близкий случай с попыткой раздеться есть в воспоминаниях Л. П. Шелгуновой (со слов В. А. Зайцева) и связан с последним периодом жизни, когда после выхода из крепости приступы болезни возобновились⁹.

М. К. Лемке отмечает, что первоначально клочок бумаги с фамилиями и цифрами очень заинтересовал следствие, а потом «Писарев расколодил комиссию, сказав, что это цифры его карточных долгов...» [Лемке, 1907].

⁸ См. подробнее об истории развития болезни Писарева: [Щербаков, 2000, с. 24–54]. Тема психического заболевания относится к числу «биографических» и в силу сложившейся научной традиции никогда не связывается с написанным критиком, его публичным и частным поведением. А. И. Рейтблат касается принятой практики освещения болезни Писарева в статье «Что не попадает в биографию?» [Рейтблат, 2014, с. 203–211].

⁹ «Сумасшествие его проявилось, кроме несвязного вздора, который он начал говорить, и в том, что он стал раздеваться при всех. Благосветлов одел его и увез к матери. Это был острый припадок помешательства, от которого он скоро поправился» [Шелгунова, 1967, с. 213]. «Слух» расхотелся очень быстро: В. А. Зайцев приходит к Л. П. Шелгуновой с известием: «Вы ничего не заметили вчера в Писареве? – спросил он. – Решительно ничего. А Вы? – И я тоже ничего не заметил. – А что случилось? – Ведь он с ума сошел» [Там же].

Приведем еще одно интересное свидетельство неразличения «реального» и «виртуального» Писарева. В мемуарах «Силуэты далекого прошлого» П. В. Быков вспоминает встречу с А. Я. Панаевой (Головачевой) за год до ее смерти (1893). Она «с особенным раздражением» говорила о Писареве, разгромная статья которого («Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби», 1864) с едкой критикой романа «Женская доля», по ее словам, «свела к нулю всю ее писательскую деятельность» [Быков, 1930, с. 84]. Кроме нелицеприятных характеристик мемуаристки, П. В. Быков приводит такое высказывание: «Если бы Панаев был жив <...> он за такую невозможную статью вызвал бы Писарева на дуэль» [Там же]. И далее: «Она послала дерзкое письмо “этому выскочке”, “неотесанному молокососу”, а он вернул ей письмо и карандашом начертил внизу его: “Таланты утрачиваются от недостатка упражнения и от натиска времени”» [Там же]. В сознании мемуаристки не отложилось или не имело значения то обстоятельство, что критик в момент выхода статьи уже два года находился в заключении, куда писать она не могла, и ему еще предстояло почти столько же. Если в случае с Салтыковым-Щедриным мы имеем дело с сознательным приемом, то А. Я. Панаева демонстрирует расхождение в датах не только по ошибке памяти, но и по абберрации восприятия Писарева, что встречается и у других мемуаристов и в какой-то мере объясняется особенностью его «двойного» существования.

В «Реалистах» Писарев предпринимает попытку переименования нигилистов. Он пробует заменить слово *нигилист* словом *реалист*. *Реалист* по многим характеристикам на деле брат-близнец *нигилиста* – материалист, ниспровергатель авторитетов, человек дела, но в то же время и человек, пропагандирующий положительную программу деятельности. Вряд ли эта идея могла вызвать всеобщий отклик, но среди «своих» могла иметь успех. Так, например, идея «вычистить» искусство от всякого «вздора» и последующая иллюстрация чистки литературы (возьмем, скажем, статью о Пушкине, словно бы написанную Базаровым) свидетельствовали о неустранимости нигилизма из комплекса свойств, определявших *реалиста*, и даже его доминировании. Имя *реалист* в литературном смысле фактически объединяет нигилистов и «новых людей». Во многом это объясняется появлением другого фаворита Писарева – романа Чернышевского «Что делать?», в котором декларируется позитивная программа, его критик-заключенный рецензировал, апеллируя к сидевшему там же автору-заключенному.

Надо отметить, что Писарев и в частной переписке, касающейся его личных дел, любовных и матримониальных, нередко пользовался идеями героев Тургенева и Чернышевского, объединяя их по своему усмотрению. Другими словами, эпистолярное поведение в некоторых случаях вполне соответствовало литературно-публицистическому. Так, скажем, он примерял на себя сюжетные положения романа «Что делать?», в частности в письмах из крепости подробно развивал картину будущей семейной жизни по образцу романа Чернышевского. Речь идет о заочном сватовстве Писарева к некоей Лидии Цвилленовой¹⁰. Предлагая себя в качестве жениха и убеждая потенциальную невесту в необходимости переменить жизнь, он пишет: «Вам непременно надо выйти за нового человека». Здесь «новый человек» – самоописание, апелляция к уже сформированному языку, которым девушка, он не сомневался, уже владеет после выхода романа, захватившего всю молодежь. Но в то же время, когда внезапно объявившаяся Коренева опрокинула все планы, невольно вернула его в состояние страсти, а затем, испугавшись реакции Писарева, в очередной раз отказала, он пишет ей, вновь идентифицируя себя с Базаровым в ситуации отказа Одинцовой. Базарову в статье «Реалисты» приписывается внутренняя рефлексия, свойственная ему самому. Сравним слова Писарева из письма Раисе Кореновой и слова Базарова, адресованные Одинцовой: «...добиваться каких-то приятельских отношений мне совсем не к лицу. Кроме того я ничего не намерен от тебя добиваться. <...> Что дашь – спасибо, а просить не желаю...» (Писарев) [Соловьев, 1893, с. 94] – «Нравится тебе женщина, – говаривал он, – старайся добиться толку; а нельзя – ну, не надо, отвернись – земля не клином сошлась..» (Базаров). В статье «Реалисты» «озвучивается» внутренняя речь Базарова: «Ни увлекать, ни убеждать, ни умолять тебя я не намерен». И далее: «...люди, подобные Базарову, берут себе

¹⁰ В период надежд на брак с Раисой Кореновой, период эстетских и эпикурейских идей, когда, как пишет Е. А. Соловьев, «гражданские струны» в нем молчали, он вынашивал совсем другую программу семейной жизни: «Немудрено, что будущее рисовалось в самом радужном освещении. Твердо убежденный, что все его переводы купятся на вес золота, он не видел никаких материальных препятствий к женитьбе тотчас же по окончании курса, т. е. осенью 61-го года. Далее, рассчитывая зарабатывать вместе с будущей женой литературным трудом много... очень много, он видел уже себя богатым человеком, мечтал выкупить милое Знаменское, где родился, проводить в нем лето, как в увеселительном замке <...>, а зимой – жить в Петербурге, окруживши себя всевозможным комфортом и самыми утонченными эстетическими наслаждениями» [Соловьев, 1893, с. 65].

любовь женщины или ровно ничего не берут» [Писарев, 2000–2013, т. 6, с. 266]. Идеальный вариант развития отношений с Кореновой видится Писареву, не без влияния романа «Что делать?», в своего рода совмещении Одинцовой и Веры Павловны. В статье он развивает возможный сюжет отношений Базарова и Одинцовой: «...самый серьезный результат во всех отношениях могли иметь разговоры с Одинцовой; они могли доставить Базарову счастье взаимной любви, и они же могли дать обществу мыслящую женщину. Наслаждаясь разумным счастьем, Базаров удесятерил бы свои рабочие силы, и это приращение пошло бы целиком на пользу общему умственному капиталу всего человечества. Одинцова, с своей стороны, вернула бы все силы своего здорового ума» [Там же, с. 240].

Вернемся к вопросу о переименовании нигилистов в реалисты.

В полемике с Антоновичем, шире – с «Современником», Писарев отстаивает свое авторское право на имя «реалисты». Здесь не просто смена имени, речь идет, как отмечает В. И. Щербаков, о «смене пароля», переходе «от негативизма <...> к утверждению “позитивных” (в духе позитивизма) начал, разработке определенной программы переустройства общества, программы, в которой основной акцент делался не на отрицание ценности старшего поколения – “отцов” – а на утверждение “реальных”, практических идеалов молодого поколения» [Щербаков, 2000–2013, с. 526–527]. В переакцентировке также ощутимо влияние романа, при этом персонификацией реалистов выступает всё тот же Базаров. Обращаясь как коллективное «Русское слово» к Антоновичу как коллективному «Современнику», критик пишет в статье «Посмотрим!» (Русское слово. 1865. № 9):

Но имени реалистов мы вам <...> не уступим, <...> не вы это имя выдумали, то есть не вы первые применили его к этой партии, которая прежде называлась свистунами, а потом – нигилистами. Потрудитесь припомнить, с какого именно времени это название стало употребляться постоянно? Оно получило право гражданства в конце прошлого года; оно досталось вам по милости того самого «Нерешенного вопроса», против которого вы так долго, так упорно, так горячо и – увьи! – так безуспешно воюете [Писарев, 2000–2013, т. 8, с. 19].

Он ссылается на обсуждение своей статьи во враждебных изданиях, в частности приводит замечание «Библиотеки для чтения», отмечавшей, что «Писарев подменяет или уже подменил состарившийся нигилизм – новым реализмом. Таким образом, мои авторские права не подлежат в этом случае ни малейшему сомнению» [Писарев, 2000–2013, т. 8, с. 20].

Что касается первенства, то с формальной точки зрения оба были неправы. В. И. Щербаков в комментарии отсылает к статье Н. Д. Ахшарумова «О порабощении искусства» (1858), в которой слово *реалист* было названо как имя поколения. На наш взгляд, можно усомниться в ахшарумовской причастности к авторству слова, поскольку в контексте статьи он воспроизводит «чужое слово», и можно предположить, что здесь используется слово из уже существующего «словаря», а таковым в 1858 г. мог быть только «словарь» «Современника», так что Антонович не без оснований пытается отсудить у Писарева право первенства. Статья была известна Писареву, о ней он упоминает в «Схоластике XIX века», написанной в 1861 г., с неё-то началась слава первого критика «Русского слова».

Нельзя не отметить интенсивность и скорость, с какими Писарев прожил самые важные этапы становления эстетических и идеологических убеждений. Для него, выпускника университета, время в 1861 г. летело стремительно, перемены в мировоззрении совершались буквально не по дням, а по часам. Две части «Схоластики XIX века» – от мая к сентябрю – в определенном смысле написаны с совершенно разными установками – от признания эстетического критерия в подходе к искусству до его полного отрицания. К началу того же 1861 г. относятся, например, его переговоры с Евгенией Тур о сотрудничестве в «Русской Речи». Оно не сложилось только потому, что юноша оказался чересчур ярким сторонником чистого искусства и фанатичным поклонником поэзии Ап. Майкова. Уже осенью, когда он начинает сотрудничать в «Русском слове», взгляды его радикально меняются.

Подведем итоги. При жизни Писарева имя *реалист* (но не понятие) не прижилось. В какой-то степени это можно объяснить тем, что образ целиком строился на умозрительной идеологической конструкции. Успех «имени» Писарева *нигилист* связан с закрепленностью литературного образа в сознании читателя. Неудачная попытка смены имени как смены общественного пароля – *реалист* – объясняется умозрительностью созданной идеологической схемы, не нашедшей литературного и общественного воплощения в модели поведения. Контаминация *нигилиста* и *нового человека* была вторичной во всех отношениях. Между тем прежнее имя – *нигилист* – осталось за Писаревым до конца и прославило его.

Писарев-нигилист обладал очевидной перформативной публицистической энергией, именно она переносила свойства критика-нигилиста на «биографического» Писарева, чему рассмотренные обстоятельства жизни много способствовали. «Златотканая мантия» нигилизма, в которую, по

выражению Салтыкова-Щедрина, он «драпировался» [Салтыков-Щедрин, 1970, с. 323], в метафорическом смысле накрывала реальность. Как известно, для того чтобы перформативный посыл бы успешен, он должен быть воспринят, и в данном случае роль публики выполняли читатели. Литературная маркировка *нигилист* наиболее подходила для узнавания и восприятия. Но были и свои издержки: в комплексе черт, перенесенных на ожидаемый реальный облик Писарева, закреплялись статичные, клишированные и, соответственно, упрощенные черты. Отсюда ожидаемый разночинский облик, почти исчерпывающийся определенным набором черт и свойств: отрицание всего, резкость, грубость, демонстративное пренебрежение к авторитетам любого ранга. Надо сказать, что те, кто видел в Базарове карикатуру, в определенном смысле были не так уж неправы по части замечаний насчет утрированности нигилистических черт героя. В этом контексте интересно высказывание А. И. Эртеля, поклонника, а вовсе не критика писателя: Тургенев «пересолил»: «...слишком уж натянут и накрахмален Базаров» [Эртель, 1967, с. 600].

Эксцентричная манера становится конститутивной чертой публицистического почерка, и она же ожидается от поведения. Однако нигилизм в данном случае нельзя назвать только литературной / публицистической маской. В пространстве письма Писарев-публицист мог писать так, как он писал, только изнутри в полной мере ощущая себя тем самым нигилистом («до полной гибели всерьез»).

В реальной журнальной жизни никому, в первую очередь самому Писареву, не пришло бы в голову пенять и взыскивать за бесчисленные оскорбления, нанесенные друг другу на страницах журналов. «Бумажный» темперамент не мешал, например, ему с Салтыковым-Щедриним сесть за один стол в редакции «Отечественных записок», куда критик был приглашен Некрасовым работать после освобождения из крепости и ухода от Благосветлова. Их совсем недавние – 1863–1864 гг. – «кровопролитные» бои без правил на страницах «Современника» и «Русского слова» так и остались бумажными, чернильными боями, где даже жесткий переход «на личности» не предполагал распрей и дуэльных последствий. Правда, рядом с Салтыковым-Щедриним и Некрасовым Писарев чувствовал себя некомфортно, но уже совершенно по другой причине. Амбициозные представления о том, что он может быть в журнале только «первым критиком»,

здесь реализоваться не могли, и это стало понятно сразу¹¹. Не входя в мистическую область, заметим только, что по драматическому стечению обстоятельств с утратой роли первого критика стремительно закончилась и сама жизнь Писарева.

Список литературы

Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. 240 с.

Волынский А. Литературные заметки. Д. И. Писарев // Северный вестник. 1895. № 2. С. 263–290.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР. 1960. Т. 20. Книга первая. 494 с.

Елизаветина Г. Г. Писарев-критик. После «Русского слова». М.: ИМЛИ РАН, 2003. 204 с.

Кузнецов Ф. Ф. Круг Д. И. Писарева. М.: Худож. лит., 1990. 926 с.

Лемке М. К. Процесс Д. И. Писарева // Лемке М. К. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского (по неизданным документам). СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1907. С. 89–189.

Островская Н. А. Воспоминания о Тургеневе // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 294–295. (Серия литературных мемуаров)

Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Наука, 2000–2013.

Рейтблат А. И. Что не попадает в биографию? // Рейтблат А. И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. С. 203–211.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 6. 739 с.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1908). СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1891. 448 с.

Соловьев Е. А. Д. И. Писарев. Его жизнь и литературное творчество. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1893. 160 с.

¹¹ По поводу прихода Писарева в некрасовские «Отечественные записки» Г. Г. Елизаветина пишет, что «в объявлениях об издании обновленного журнала среди заманивающих читателя громких имен имя Писарева не упоминается», его статьи выходили без подписи, часть замыслов была отклонена «ввиду неуверенности редакции журнала в совпадении ее позиции с позицией критика (предполагаемая статья о “Дыме” И. С. Тургенева)» [Елизаветина, 2003, с. 82–83].

Страхов Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. 596 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М.: Наука, 1990. Т. 7. 416 с.

Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. Воспоминания: В 2 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 2. 631 с.

Щербаков В. И. История болезни Д. И. Писарева // Мир Д. И. Писарева. Исследования и материалы. М.: Наследие, 2000. Вып. 2. С. 24–54.

Щербаков В. И. Комментарий // Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Наука, 2000–2013. Т. 6. С. 510–568.

Эртель А. И. Письмо М. В. Огарковой от 20 ноября 1882 года // Литературное наследие: И. С. Тургенев: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1967. Т. 76. С. 597–598.

References

Bykov P. V. Siluety dalekogo proshlogo [Silhouettes of the distant past]. Moscow; Leningrad, 1930, 240 p. (in Russ.)

Elizavetina G. G. Pisarev-kritik. Posle “Russkogo slova”. Moscow, 2003, 204 p. (in Russ.)

Ertel A. I. Pis'mo M. V. Ogarkovoi ot 20 noyabrya 1882 goda [Letter of M. V. Ogarkova dated November 20, 1882]. In: Literaturnoe nasledie: I. S. Turgenev: Novye materialy i issledovaniya [Literary heritage: I. S. Turgenev: New materials and research]. Moscow, 1967, vol. 76, pp. 597–598. (in Russ.)

Hertsen A. I. Complete works. In 30 vols. Moscow, 1960, vol. 20, book 1, 494 p. (in Russ.)

Kuznetsov F. F. Krug D. I. Pisareva [Circle of D. I. Pisarev]. Moscow, 1990. (in Russ.)

Lemke M. K. Protsess D. I. Pisareva [The process of D. I. Pisarev]. In: Lemke M. K. Politicheskie protsessy M. I. Mikhailova, D. I. Pisareva i N. G. Chernyshevskogo (po neizdannym dokumentam) [Political processes of M. I. Mikhailov, D. I. Pisarev and N. G. Chernyshevsky (According to unpublished documents)]. St. Petersburg, 1907, pp. 89–189. (in Russ.)

Ostrovskaya N. A. Vospominaniya o Turgeneve [Memories about Turgenev]. In: I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov [I. S. Turgenev in the memoirs of contemporaries]. Moscow, 1983, vol. 2, pp. 294–295. (in Russ.)

Pisarev D. I. Complete works. In 12 vols. Moscow, 2000–2013. (in Russ.)

Reitblat A. I. Chto ne popadaet v biografiyu? [What doesn't get into the biography?] In: Reitblat A. I. Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii

i istorii literatury [Writing across: articles on biography, sociology and literary history]. Moscow, 2014, pp. 203–211. (in Russ.)

Saltykov-Shchedrin M. E. Complete works. In 30 vols. Moscow, 1970, vol. 6, 739 p. (in Russ.)

Shcherbakov V. I. Istoriya bolezni D. I. Pisareva [D. I. Pisarev's medical history]. In: Mir D. I. Pisareva. Issledovaniya i materialy [The world of D. I. Pisarev. Research and materials]. Moscow, 2000, vol. 2, pp. 24–54. (in Russ.)

Shcherbakov V. I. Kommentarii [Comment]. In: Pisarev D. I. Complete works. In 12 vols. Moscow, 2000–2013, vol. 6, pp. 510–568. (in Russ.)

Shelgunova L. P. Iz dalekogo proshlogo [From the distant past]. In: Shelgunov N. V., Shelgunova L. P. Vospominaniya [Memories]. In 2 vols. Moscow, 1967, vol. 2, 631 p. (in Russ.)

Skabichevsky A. M. Istoriya noveishei russkoi literatury (1848–1908) [The history of modern Russian literature (1848–1908)]. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1891. 448 p. (in Russ.)

Solovyev E. A. D. I. Pisarev. Ego zhizn' i literaturnoe tvorchestvo [D. I. Pisarev. His life and literary work]. St. Petersburg, 1893, 160 p. (in Russ.)

Strakhov N. Iz istorii literaturnogo nigilizma 1861–1865 [From the history of literary Nihilism 1861–1865]. St. Petersburg, 1890, 596 p. (in Russ.)

Turgenev I. S. Complete works. In 30 vols. Moscow, 1990, vol. 7, 416 p. (in Russ.)

Volynsky A. Literaturnye zametki. D. I. Pisarev [Literary notes. D. I. Pisarev]. *Severnyi vestnik* [Northern Herald], 1895, no. 5, pp. 263–290. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Печерская, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 10.02.2023;
одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 25.03.2023
The article was submitted on 10.02.2023;
approved after reviewing on 25.03.2023; accepted for publication on 25.03.2023*